

КРО КОДИЛ

№ 23

Москва, Август 1933 г. Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

1933

... Сделать всех колхозников
зажиточными. (И. СТАЛИН).

Рис. М. Черемных (темн Я. Бельского)

— Батюшки - светы! Видать, ворота не по трудодням
строены.

ЦЕНА НОМЕРА 30 КОП.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОЖЕТ КРУТИТЬ

Тов. Мирский появился в нашем тихом Облмяу внезапно, как циклон.

Взглянул в пустую кассу, в столовую, где на тарелочках сиротливо скучала соленая тюлька, и презрительно усмехнулся.

— Мрак! Позор! Пустыня Гоби или Шамо, вернее сказать, даже Нешамо!

Наше Облмяу, действительно, производило неблагоприятное впечатление.

— Ничего, мужайтесь, — воскликнул т. Мирский, — я вижу, мне самому придется вами заняться.

И Мирский занялся Облмяу.

Мирский стал крутить.

Не подумайте, что он был какой-нибудь мелкий блатмейстер, пронирливый доставала.

Нет, он был делец американского масштаба. Где-нибудь в Чикаго он вышел бы в миллионеры или бандиты, что, как известно, одно и то же.

У нас ему оставалось только разводить феерическую деятельность за спецставку и лишнее кило сливочного масла. Перепадало кое-что из ширпотреба и ордеров на пошивку и починку штанов и ботинок, но в общем, для такого мага и волшебника это было пустяками.

Мирский вознаграждался, повидимому, славой, признательностью и восхищением посредственных блатмейстеров и мелких аферистов, таскающих канцелярские принадлежности и соленую тюльку из столовой комиссии.

И в руках Мирского даже наше худосочное, чахоточное Облмяу стало исгочать молочные скопы, деньзначные витамины, а в столовой вместо тюльки обливались собственным соком осетровый балык и развратная семга.

Облмяу одурело от счастья и изобилия.

Мирский начал очень просто.

— Я ничего не прошу и не требую, — сказал он нашему тихому вегетарианцу заву, — мне нужно только удостоверение личности и кой-какая доверенность. Вот и все, а работать буду я. У вас будет все, что вы захотите. И смета, и деньги, и слава.

Наш зав ничего и не хотел. Он хотел только одного — разводить в аквариуме макроподов, вуалехвостов и живородящих меченосцев.

— Ну-к что ж, — сразу согласился он, — вот вам и удостоверение и доверенность. Не возьмете ли, кстати, на себя и хранение печати?

Мирский великодушно отказался.

— Сила не в печати, а в хорошо подобранных кадрах.

И тут же выписал из Майкопа два маршрутных поезда с родичами. Майкопцы приехали большой скоростью и пронизали штаты Облмяу.

Начался так называемый майкопский период нашего учреждения: изгнание иногородних и возникновение майкопского землячества — гегемона.

Мирский стал крутить, земляки — подкручивать.

В короткий срок были созданы:

Продовольственная и материальная база (зав — дядя!)

Издательство папок для паспортов (нач — тетя).

Фабрика канцпринадлежностей, оргучета и открыток (директор — старший братец).

Лаборатория экстрактов и гормонов (директор — свояк).

Бюро по ремонту и продаже пишмашин (зав — муж двоюродной тети).

Бюро сбыт-закуп (директор — престарелый папа).

Мастерская бюстов и стандартных памятников и значков (зав — товарищ старшего братца по гимназии).

Техническая консультация для всех по всем вопросам (управляющий — жена племянника).

Бюро по обслуживанию массовых кампаний (директор — знакомый по курорту).

Открылись также при Облмяу курсы массажа, кройки и шитья, экскурсбазы, торгово-предпримчивый сектор и тысячи полторы пром-артелей.

Мирский крутил безустали. Майкопцы подкручивали. Не жалели денег и сил на рекламу. Впрочем, больше сил, чем денег. Рекламу преимущественно проводили за общественный счет.

Для этого Мирский то участвовал в каком-нибудь пробеге, то организовывал выставку, то лез на дно морское с экспедицией Эпрона. Облмяу стал известен, как ГОМЭЦ.

Но, как говорят в Майкопе:

— Всякому Гомцу не миновать концу!

Пришел конец и нашему Облмяу.

Его заметили, обследовали и удивились.

— Крути, да не перекручивай, — строго сказал обследователь.

— Пока что мы вас ликвидируем.

И Облмяу ликвидировали.

Незадолго до ликвидации т. Мирский перешел со своими майкопскими эшелонами в Сельхозпромполитпросвет и благополучно накручивает там, предоставляя начальнику все свободное время для выпивания по дереву, до чего тот большой охотник и любитель...

Б. САМСОНОВ

Рис. А. Радакова (тема Я. Бельского)

КТО О ЧЕМ — Не беспокойтесь, мы пошлем к вам в район трех обследователей. Пришлите лучше покрышки для грузовиков...

КРОКОДИЛ

на Дрезине

ПОЛУЗНАЙКА

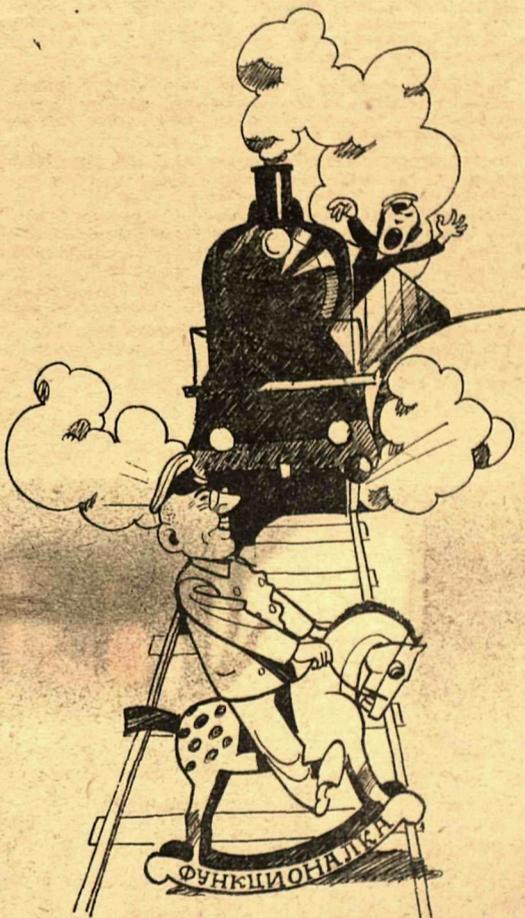
В хозяйстве пути перешли на четырехдырные накладки; сняли третий костыль, что привело к безобразному состоянию пути.

— Убрать костыли! А то говорят, что у меня работа хромает.

Рисунки Ю. Ганфа (темы М. Глушкова)

НА ЛЮБИМОМ КОНЬКЕ

— Подумаешь, какой скорый, подождешь!

ПРИЕМКА ИЗДАЛИ

В мостостроении допущено грубое упрощенчество.

— Мост хороший, даже отсюда видно. Поезд пройдет, а нам рисковать не стоит.

СТРОГОЕ НАЧАЛЬСТВО

— На нашей дороге безбилетным нет места.

ЗАСЕЛ В КАНЦЕЛЯРИИ

— Не понимаю, о какой линии толкуют. У меня своя линия, я ее и гну!

НА ЛИНИЮ

— Ты меня знаешь? — сказал мне Бакалейников. — Я всегда, ты знаешь, говорю только то, что думаю. И если в чем сомневаюсь, то ты тоже знаешь, — например высказываю свои сомнения!

Например, сейчас я, знаешь, очень много думаю об этом новом самом злободневном лозунге: "На линию!". Ты, конечно, знаешь, что это о железнодорожном транспорте и что некоторые дороги, не будучи узкоколейными, являются узким местом в транспортном хозяйстве и что мобильность подвижного состава и осевых вагонов перевозкам...

... Я много ездил и сейчас много ездить, — ты это знаешь. Не являясь исключительно "осенне-зимней перевозкой", я на своих боках и пассажирской шкуре испытал прелесть всех четырех времен года на железной дороге.

В марте этого года, когда во всей юго-западной полосе стояла необычайная теплыня, — меня по графикам и инструкциям разваривали в жарко натопленном вагоне, как стерлядь. А в апреле, в неожиданно холодном апреле, замораживали по инструкции, как судака, в нетопленном вагоне.

Если на узловой станции нам мешали паровоз и он наскучил как добирался до первого полустанка и здесь вставал, то я, даже не осведомившись у главного, твердо знал:

— На ремонта паровозик. Из вислого дена, где на спецставке — обезличка! А если, знаешь ли, в пути исправлен был паровоз, то ты еще не знаешь: исправен ли также и машинист?

Если паровоз в пути подкачал, то настораживаешься и смотришь: не начался ли твой машинист? Знаешь, по конвейеру. На одной станции вылезет, на другой закурит, на третьей вахнет и так далее. Путь дальский. Видел я, как снижали такого на конечной станции с паровоза, а потом уж слышал — с должности сняли.

Ты спросишь, небось, а под суд его не отдали? Нет, не слышал и чужой-то об этом. На той дороге, знаешь, очень все дружно живут. У них не только что стрелочники, — вообще виноватых не сыщешь...

В случае чего — начальники свалит на помощника, помощник — на дежурного, дежурный — на телеграфиста, телеграфист — на стрелочника, а стрелочник на станционную корову, которая хвостом стрелку перевела и оттого и потому, дескать, товарный паровозик столкнулся с пассажирским поездом.

Из доуниверситетского детства, конечно, вырезают на линию. А на линии — линии свои.

... Ну, так вот об этой самой, о линии. Служу я, знаешь, по газетам. Читаю: отправляют сейчас на линию инженеров, техников, членов партии. И читаю вместе с тем, что хозяйственное, например, руководство Ряз.-Уральской железной дороги продолжает действовать методами бюрократического, бумажного руководства. Там и потоки циркуляров, и уйма телеграмм, и бесконечные заседания, и совещания, и суетня.

Читаю и в газетах, что в ячейке треста паровозо-ремонтных заводов их шести человек, намеченных на линию, трое неслучайно из партии.

И читаю и в "Правде" заявление инженера из НКПС:

"В виду того, мол, что я в Москве на вечерних курсах изучаю иностранные языки, прошу оставить меня в таковой". И читаю и в "Гудке", что специалисты, посланные на линию, продолжают заниматься канцелярской работой. И еще читаю, что добровольцы, поехавшие на линию, — инженеры, специалисты, не имеют пристанища и ночуют в кондукторской дежурке. И читаю и еще...

— Точка, Бакалейников! — перебила я об'ятого сомнениями собеседника. — Вот теперь ты все уме и высказал. Вот эти товарищи специалисты, которые ночуют в дежурках соседних бригад, — эти ведь прекрасные товарищи. Очень скверно, что их, интуитивистов, поставили в такие условия — это от саботажа транспортных членов. Но, Бакалейников, учти: товарищи специалисты и в таких условиях остаются на линии, они работают и в такой обстановке. И это прекрасно. И таких товарищей на линиях пока сотни, но они — авангард, а за ними придут тысячи таких же. На транспорте восстановлением ЦК создаются полсотни отделов. Усилиями партии и всей передовой пролетарской общественности делается все для того, чтобы весь железнодорожный транспорт в целом, а не только отдельные его ударные участки, вышел на линию!

— Как? — переспросила Бакалейников. — Все на линию? А аппараты? А управления? А парки? А заводы НКПС? А подсобные хозяйства? А отдалы? А под'отдалы?

— Целком и полностью все на линию! — Подожди, как же это? — потер перепонку Бакалейников. — Ты, кажется, перевел наш разговор на другую линию. Я тебя не совсем понимаю. О какой линии ты говоришь?

— О самой главной, магистральной. О генеральной линии нашей партии!

Я писал.
Я был занят делом.
Он вошел и сказал: — Привет!
Я — начальник политотдела,
Можно к вам, товарищ поэт?
Я на вашего брата в обиде:
Вы умеете делать стих,
Но ни разу я вас не видел
На колхозных полях своих!
Стал мне ворот рубашки тесен.
Разговора суть не пойму.
— Разве мало написано песен? —
Говорю я скромно ему.
Делят славу поэты наши
С композиторами пополам.
Разве мало хороших маршей?
Разве это, по-вашему, хлам?
Или, может быть, в тракторном

гуде
Наши песни уже не слышны?
— Вы писали бы больше о людях,
О живых героях страны!
Не кричите: „Даешь многополье!“
Не кричите земле: „Рожай!“
Ранним утром пойдите в поле,
Посмотрите на урожай!
Вы не знаете, как с рассветом.
Враг „сбрасывает“ колосья ножом,
И как мы дозорным пикетом
Трудовой урожай берем.
Это будет куда интересней,
Вы поверьте моим словам!
Дайте нам хорошую песню
С композитором пополам!
Обвинение принимая,
Я ответил, что буду рад
Познакомиться с урожаем,
Но что я не один виноват.
Он ушел.
Я взялся за дело
И подумал товарищу вслед:
„Если б каждый хороший поэт
Был работником политотдела!“

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Работая над своей знаменитой и незаменимой басней относительно пирожника и сапожника, баснописец Крылов не учел одного момента. Беда бывает иногда и в том случае, когда пирожник и сапожник занимаются своим прямым делом, но делают его халтурно, недобросовестно, спуская рукава, на-авось.

В „Новом мире“ из номера в номер печатается „Архангельск“ Ивана Евдокимова. Тов. Евдокимов — опытный пирожник, который несомненно занимается своим делом: „Архангельск“ далеко не первый роман писателя.

Но достаточно самого поверхностного взгляда на роман, чтобы определить, что т. Евдокимов писал свой роман нето левой ногой, нето правой рукой, но несомненно находил в переполненной трамвае, царапая какие-то каракули в записной книжке, каракули, которые потом ему самому не удалось толком разобрать.

Так неразобранные они и вошли в текст:

„Этот шаг удовлетворения грозит опрокинуть все надежды и насмешиться над всеми усилиями, обратив их в бесплодные“.

„Зрелище так приутило к себе, что оно уже не помнилось за углом“.

„Дли в глазах затруднил его зрение“, „Карл Радек наезд“, „Алексей Михайлович углядел“, „Виктор любил входить в подробности ознакомления с каждым коллегой“ и т. д.

До чего все-таки могуч русский язык! Как ни ломай его, а все же кое-что понять можно. „Любить входить в подробности ознакомления“... „помниться за углом“, „насмешиться“, „наезд“, „собирать гнездом“ — сказано очень приблизительно по-русски, но добраться до смысла можно.

Но вот, напр., тот же Виктор „удовлетворенно переселился на английский крейсер, который должен был прийти из Мурманска“. Как это человек сумел переселиться на судно, которое еще только собиралось прийти в город?

„Пройдохи, — говорит в другом месте автор, — умели порождать слепоту в то неустоявшееся, непроверенное опытом время“. Что значит — порождать слепоту? Как это проверять время опытом?

Это просто конвульсивные движения зажатого в узком трамвайном проходе человека. Он размахивает рукописью, бред продолжает и принимает тяжелые формы.

„Алексей Михайлович был против матросской стрельбы. Он был против всего, что несогласно выпирало над ним, как на подиумном лугу непокорная усатая козюлина...“ „Несогласно выпирало“ — как это понять?

В описании военных дел, военно-морской обстановки требуются точность и аккуратность. Пожалуйста, — сколько угодно!

„На мурманском рейде, — пишет добросовестный автор, — стоял гидрокрейсер „Ирина“. Гидро — значит „водный“, значит крейсер этот ходит по воде. А мы думали, что есть крейсера, которые ходят по суше.“

По сообщению автора „предсовнархоза послал своих доверенных людей взорвать котлаские огнехранилища“. Огнехранилища, как надо понимать по смыслу, это, очевидно, какие-то древние приспособления, в которых северяне поддерживали вечный огонь. И вот доверенные люди подожгут помещения, в которых хранится... огонь! Очень занимательно придумано!

Не менее тонко автор знаком и с бытом всевозможных иностранцев, интервентов, послов, офицеров и т. д.

„Британский поверенный сжал пренебрежительно свои пресыщенные губы...“ „Британский штаб должен был, нагуляв прожорливость, устраивать вечерние приемы, чай по-русски, танцы, а затем весь свой сытый пыл бросать в объятия некоторых гостеприимных архангельских женщин...“ — Понятно?

„Крокодил“ у нас маленький, роман у Евдокимова большой. Весь роман не продитируешь, хотя целиком он как раз и предстает собой сплошную косноязычную цитату — богатый материал для исследовательской работы на тему о пирожнике и сапожнике согласно указанию тов. Крылова.

Всего было вдоволь у пирожника — и вкуса отборного качества, и добрая начинка, и прочая потребная еда, а пирога все же вышел неудобоварившим.

История гражданской войны на севере — интереснейшая, благороднейшая тема для художественного произведения. Евдокимов подошел к ней развязно, небрежно, и роман вышел скверный, неудобочитаемый...

Говорят, — язык до Киева доведет. Надо полагать — хороший грамотный язык.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

В начале нынешнего лета
Я встретил на Тверском знакомого поэта,
Спросил: „Что нового?“ — и получил ответ,
Что „ВСЕ ПО-СТАРОМУ“, что нового-де нет.

Читатели! Этот литератор
Был общепризнанный... НОВАТОР!

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

Рис. А. Топикова (тема Я. Бельского Бен Гали)

На транспорте не отменена еще старая инструкция о том, что хватка менее 3 кило не учитывается.

— Ты почему ж это из всех вагонов понемногу тянешь?
— Согласно инструкции: не более трех кило из каждого...

„Вы слишком злы. Вы не поете
Легко, лирично и тепло,
На каплю лирики берете
Вы публицистики кило.
А ведь у вас бывают строчки, —
Сказать без лести и любя, —
Как жемчуг в серой оболочке...
Зачем вы губите себя?

Ваш стих всегда кого-то ест, —
Как это вам не надоест?“

Так, исписавши три страницы,
Мне шлют рабфаковки упрек, —
Задорно — искренние чтицы
Моих немного строгих строк.
Признаться, я слегка уколот, —
Ведь шеф поэтов — молодежь.
Недаром Пушкин — вечно молод,
И Гёте до сих пор хорош.

Поэт бывает и седым,
Но стих быть должен молодым.

Чем дальше мы от молодежи,
Тем меньше трепетных стихов,
И лишь чудак спокойно может
Писать стихи для стариков...
Я с молодежью связан прочно, —
Хоть мне и не семнадцать лет,
И на письмо с упреком срочно
Даю рабфаковкам ответ.

По их словам, я зол и сух
И к голосам природы глух.

Я — шлюпик, я — сухарь соленый!..
Мне не понятен и далек
Лесных полянок шелк зеленый
И мотылек и василек.
По их словам, я близок к рыбе,
Я поучителен и груб
И не смогу, как надо, выпить
Росы медовой с милых губ.

Стихов певучих не люблю
И в цвете лет себя гублю.

Ах, милые мои, родные!
Ну, как еще мне вас назвать?

За ваши строчки молодые
Готов я вас расцеловать...
Лимонный холодок расцветает
И гладь прудов и рыбий клев, —
Я мог бы вам воспеть все это,
Хоть в красках я не Гумилев.

Я жизнь люблю не меньше вас
И знаю силу милых глаз.

Вы зря меня клеймите с жаром,
Я в лирике — не новичок.
Но на груди ношу не даром
Я сатирический значок.
Я в общежитии рабочем
Не помешаю песней спать,
Чтоб не пришлось кому-то ночью
„На горло песни наступать“).

Ведь песней можно потерпеть,
Ее приятней вместе петь.

И скоро мы затянем песню,
Чтоб от нее сердца цвели
Сильней, лиричней и чудесней
Всех прошлых песен всей земли.
А нынче пусть простой и храбрый,
Как воин, бьет врага мой стих
И, как уборщик, жесткой шваброй
Метет в проулках бытовых.

Не легок труд у докторов,
Зато, глядишь, поэт здоров.

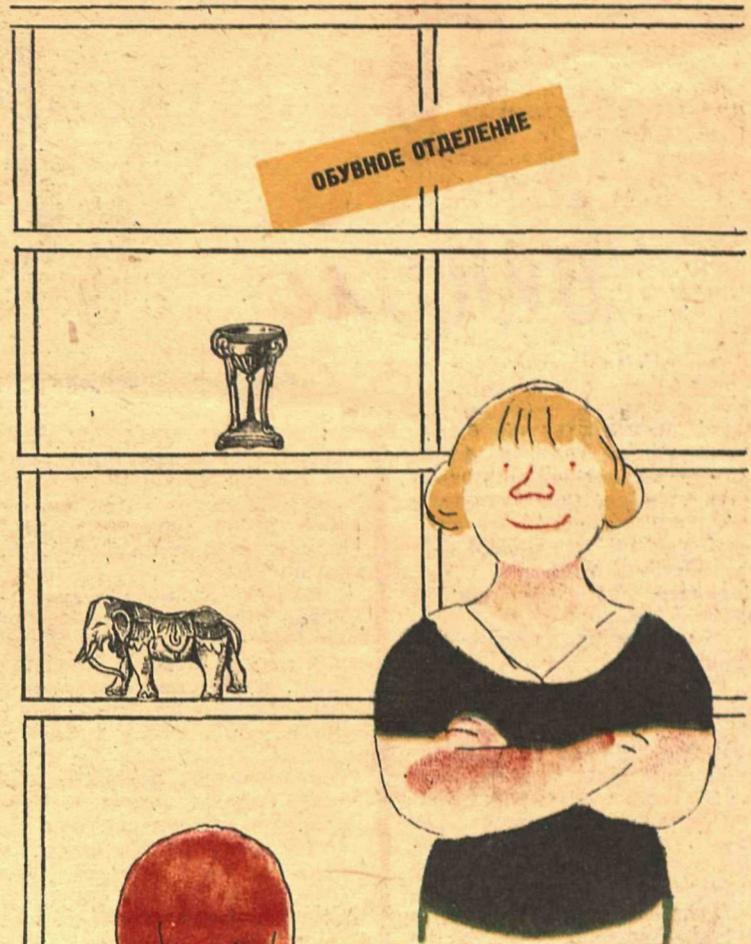
Моим лихим корресподенткам
Я лекций не хочу читать,
Но стыдно молодым студенткам
Поэта через „а“ писать.
Без этой мелочи, поверьте,
Не разрешить больших задач...
Прошу вас: ставьте на конверте
Без знака мягкого Кумач.

Поверьте, это не пустяк, —
Вредит нам часто мягкий знак.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

1) Строка В. В. Маяковского.

Рис. Л. Бродаты
(тома Я. Бельского)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛОХАНКА

ОСТОРОЖНО, АФИША!

Высокое знание образов классической драматургии показал казанский Большой театр. В газете „Красная Татария“ он, не смущаясь, печатает такое объявление:

БОЛЬШОЙ ТЕАТР
(ул. Баум.)
Тел. 5—20.
Нач. в 8 часов

6 июня
ОТКР. СПЕКТ.
КОВАРСТВО ЛЮБОВЬ
М. Горького
Бил. продаются

Вероятно, ни Горький ни Шиллер не останутся в претензии друг на друга за это недоразумение. Но во избежание дальнейшей путаницы рекомендуем запомнить, что трагедию „Король Лир“ написал Зощенко, „Евгений Онегин“ — произведение Уткина, а „Не в свои сани не садись“ — самого автора этой афиши.

СИГНАЛ ИЗ САМАРЫ

„Крокодилу“ брошен вызов. Брошен прямо на редакционный стол в форме жуткой стихотворной белиберды некоего А. Алферова-Волжанина. „Вызов“ начинается любовной атакой.

„Критик!
Прошу об одном:
Не насиливайте карандаш
И пыльных
Очков своих.
Может быть,
по-вашему,
Это г...
А, по-моему, это
все же
стих.
Знаю,
Вы обладаете
большой
Доксософией
И, может
Быть,
Еще чем-либо.
Но... Я в общем
Оставим
Философию
И ядовитую
Диатрибу“.

После этого уже казалось бы все ясно — „Вызов“ не принять, а бросить в корзину, и дело с концом. Но нас испугал служебный бланк препроводительной записки:

„Средневожский оргкомитет Союза советских писателей — Председатель комиссии оборонной художественной литературы“.

Раз появились такие бланки, а в придачу к ним Алферовы-Волжанины, это уже страшно. Не находит ли оргкомитет ВССП, что оборонную художественную литературу нужно оборонять прежде всего от таких „председателей“?

— А где же обувь?
— На витрине. Там — выставка брака.

„Я думаю, что можно было бы начать постепенное свертывание водки, вводя в дело вместо водки такие источники дохода, как радио и кино. В самом деле, отчего бы не взять в руки эти важнейшие средства и не поставить на этом деле ударных людей и настоящих большевиков, которые могли бы с успехом раздуть дело и дать, наконец, возможность свернуть дело водки?“

И. СТАЛИН. Политотчет ЦК XV съезду партии.

О
векши

И
СТО
чник

(Полуфантастический кинороман из недавнего прошлого)

Произошел этот необыкновенный случай на 1-й московской кинофабрике, что на Потылихе. В кабинет директора Ореловича и его заместителя Басса тихо вошел великий испанский драматург Лопе-де-Вега.

Драматург достал из кармана сверток и сказал:

— Позвольте вам предложить сценарий.

— Гм, — ответили оба сразу Орелович и Басс, — как вы сказали: Лопе-де-Вега? Странный псевдоним. А имеется ли у вас достаточный производственный опыт в писании сценариев?

— Помилуйте, — обиделся драматург. — Я написал за свою жизнь две тысячи пьес и все их поставили на сцене. Одна даже до сих пор идет в студии Художественного театра. Как раз из нее я сценарий сделал.

— Ага, — насторожились директор и его зам, — раз идет в Художественном оставьте. В сущности, недурная темка: „Овечий источник“. Колхозная темка... Как раз к сезону.

Орелович и Басс позвонили: — Пригласите-ка режиссера! Пусть посмотрят, что тут старичок накропал. Странный автор. Конечно, не знает специфики нашего искусства, но что-то такое есть.

Режиссеры „маститые“ и обыкновенные толпой окружили испуганного испанского старичка.

Режиссер № 1 бегло взглянул на сценарий и состроил гримасу:

— Колхозная тематика... Выражено элементарно... Полета фантазии никакого. Если бы из жизни марсиан, тогда, пожалуй, взяли бы.

Режиссер № 3 мрачно буркнул: — Много ли тут накрутишь? Картина дешевая, а я меньше полтора миллиона израсходовать на фильм не привык. Престиж не позволяет...

Режиссер № 4 крайне удивился:

— Как же это у вас сценарий так просто приняли? Странно. Может, вы с руководством на родных сестрах женаты? Нет? Странно! В таком случае ставить не буду.

Режиссер № 5 откровенно заявил:

— Я ставлю только те сценарии, которые пишу вместе с автором.

Номер 7 дружески посоветовал:

— Сценарий сначала пойдет в ХПО, потом к директору, потом к его замам, затем в трест „Союзфильм“, потом в ГУКФ, затем в Главрепертком... Ну, а там обратным путем по всем инстанциям. Лет вам уже много, и нет вам смысла дожидаться, старичок, все равно до картины

на доживете. Возьмите лучше сорок рублей за тему и уступите тут одному парню, из Одессы недавно приехал. Он безусловный талант. Кроме того, он понимает специфику кино, а вы не понимаете...

Однако испанский драматург гордо отказался. Он был принципиален. Поставив с успехом две тысячи пьес, старичок решил, что сумеет поставить и одну картину на Потылихе. Испанцы вообще отличаются наивностью.

Как это ни странно, но драматургу повезло. Режиссер Турин, который уже четыре года ничего не делал на фабрике и получал за это четыреста рублей в месяц, согласился ставить сценарий. Режиссеру назначили тысячу триста тридцать четыре рубля в месяц, гарантировав ему минимум два года творческой канители по постановке.

Турбина пошла в ход. На Потылихе пронесся слух: „Ставят картину. Подписывают договор“. Началось оживление и общий энтузиазм.

Даревский, Соловьев, Басс, Фартучный и прочие могущественные лица вооружились самопишущими ручками и развернули соревнование по подписанию договоров и по приглашению театральных знаменитостей.

Даревский пригласил артиста МХАТ Хмелева с окладом две тысячи рублей. Через пять месяцев обнаружилось, что Хмелев не подходит к картине, так как герой должен быть выше ростом на два сантиметра. Через полтора года интенсивной работы выяснилось, что самым лучшим исполнителем главной роли будет оперный артист Сибиряков. В течение года Сибиряков издал два мощных звука и получил за это 13.500 рублей. Дорабатывать картину явился артист Игорь Ильинский, которому еще до начала съемки было уплачено 10.000 рублей, ибо контракт подписал в марте, а снимать начали в мае.

Артистка Войцек, исполнявшая одну из ролей, в самой середине съемки неожиданно уперлась и заявила:

— Не хочу больше сниматься... Прибавьте двести пятьдесят рублей. Не хотите, — крутите все сначала.

Пришлось прибавить.

Так энергичным наплывом на экран театральные знаменитости вытеснили со скудной площади киноплоскости собственные кадры кинофабрики.

К концу третьего года постановки картины „Колхозный овечий источник“ внезапно грянулась беда: картину начал пла-

нировать зав. планово-производственным отделом Сеславинский, имеющий крупные заслуги в области плановой фантастики. (См. картины „Одна радость“, „Измена“, „В семье не без урода“).

План съемок по картине „Колхозный овечий источник“ был выполнен на 2 с половиной процента. За означенную плановость и ударность дирекция в полном составе премировала себя кожаными пальто, приобретенными тов. Ройзен для работников вредных цехов.

В самый разгар съемки начались обычные трения в области специфики киноискусства. Режиссер Марьян утверждал, что картину можно закончить только в том случае, если она будет состоять не из одной серии, а минимум из трех.

Решили, что можно из трех. Режиссер Роом заявил, что картина может быть совсем неплохой, но для того чтобы определить перспективу местности, ему необходим дирижабль, на котором он совершит полет по СССР и его окрестностям.

Решили, что необходим дирижабль.

Режиссер Шпиковский намекнул, что, пожалуй, картину следовало бы ставить в двух климатических планах: один — в Крыму, другой — на Игарке, за Полярным кругом.

Решили, что и в двух планах можно.

Послали две экспедиции в Крым и на Игарку. После 6-месячной работы экспедиции получили две телеграммы: „Работы закончены тчк Съемки сделаны тчк Выссылайте тысячу рублей возвращение Москву“.

Тут вот и началось: двух тысяч рублей на фабрике не оказалось. Главбух схватился за голову.

— Откуда я возьму такие огромные деньги? У нас и так за 1932 год 1.250 тысяч убытков, одних дебиторских востребованных счетов у нас на 800 тысяч рублей. Авансов выдано 243 тысячи. А расходы? На покупку мебели в директорскую квартиру 1.300 рублей, на ремонт квартиры 1.800, на пирожные, конфеты... Впрочем, это мелочи. За прокат усов платили 25 рублей наличными...

А экспедиции тем временем ждали денег и ухлопали еще по 18 тысяч на расходы во время ожидания.

В конце четвертого постановочного года картина „Колхозный овечий источник“ была почти закончена. При плановой стоимости в полмиллиона картина обошлась всего в полтора миллиона. Испанский драматург

готовился к торжеству по случаю выпуска картины, но торжество не состоялось. Картину сняли... с репертуара и положили в архив творческой продукции Потылихи. Лопе-де-Вега несколько раз повернулся в гробу и снова помер.

Новый сценарий на тот же сюжет заказали родственнику режиссера № 7. Турбина завертелась сначала.

* * *

Каемся во всеуслышание: Лопе-де-Вега на Потылихе не был. И картину „Колхозный овечий источник“ не ставили. Но все остальное было. И картины так снимали, и их так планировали, и договора так подписывали, и даже источник был и есть сейчас — источник бесхозяйственности, бесплановости, рвачества, расточительности, бестолковщины и расхлябанности.

Чем иначе объяснить, что план прошлого года на Потылихе выполнен наполовину, а стоимость картин возросла на 26 проц., брака наделали на 750 тысяч рублей, а убыток превышает миллион двести пятьдесят тысяч? Чем иначе объяснить, что в этом году фабрика не выпустила еще ни одной картины, чем объяснить и то, что кинофабрика до сих пор не превращена в подлинное социалистическое производство и дождедается, очевидно, специальных постановлений ЦК и Совнаркома, как это было по транспорту, чтобы перестроиться и навести большевистский порядок в расстроившемся кинохозяйстве. Чем объяснить также и то, что никак не могут приблизить руководство ГУКФ к фабрике, удалив дорогостоящие наросты вроде треста „Союзфильм“, который полезен фабрике не больше, чем корове галстук.

На строительство Потылихи ушли большие средства. Выстроена огромная фабрика. Имеется талантливый творческий коллектив. Все данные для того, чтоб на Потылихе забил мощный источник подлинного идейного и художественного киномастерства.

Но этого нет. Фабрику построили, но производство до сих пор не освоено. Фабрика еще не окупает себя и продолжает приносить убытки.

Мутный источник надо освесить! Снимать надо, товарищи! Снимать быстро, хорошо и дешево! И заодно снимать с работы тех, кто мутит киноисточник.

Бригада „Крокодила“

БЕН-ГАЛИ
Е. ВЕСЕННИ

РЕЙД

„КРОКОДИЛА“

Рис. Агнит

Ряд совхозов показывает заниженные нормы урожайности.

Раоступись ты, рожь высокая, „Тайну“ *) свято сохрани.

*) Урожайности.

— Я все понимаю: урожай, прополка, но почему они все цветочки повыдергивали?..

Некрасов („Коробейники“)

ЗЕЛЕНАЯ ГОРЯЧКА

На улицах столицы пышно распускается лето. Томно зеленеют бульвары.

Вечерняя газета гневно констатирует позорное отставание бродильной и квасной промышленности: прохладительных москвичам явно нехватает.

У нас в учреждении тоже происходит лето. Сотрудники ходят тихие, томные, зеленоватенькие. Все вдруг оказались больными. У Брудера разыгралась печень, у товарища Портупейского появился сахар, у Василисы Семеновны, нашей секретарши, нервы шалят. Все вплоть до молодого инкассатора Пети подали заявления о предоставлении отпуска не позже августа.

Зимой шли у нас разговоры о том, чтобы давать отпуска в течение всего года, а не только летом, но в декабре и январе никто почему-то в отпуск так и не собрался. В феврале Брудера совсем было уpekли в зимний дом отдыха, но в последний момент у него заиграла печень, и он остался. Брудеровская печень — вообще очень даровитый, хорошо отрегулированный орган. Зимой она спасла его от отпуска, а сейчас, вот увидите, доиграется до отпуска в августе. Хуже приходится Василисе Семеновне. Когда эта тридцатилетняя девушка, здоровая, как мускусный бык, приходит в местком за путевкой и жалуетса басом, что у нее нервы шалят, месткомовцы начинают кричать, как в трамвае:

— У всех шалят, Василиса!

И действительно, какие у Василисы нервы. Просто девушка хочет загореть. Всякому известно, что Василиса каждое лето загорает до степени обугливания.

Зеленая предотпускная горячка свирепствует не только у нас. Ею охвачена вся столица. Добытки летних путевок, щелкая зубами, рыщут по всему городу. В связи с эпидемией не лишним будет вспомнить страшную судьбу Москлея, павшего жертвой зеленой горячки в прошлом году.

Случилось так, что в июле весь Москлей разехался кто куда: председатель — в командировку в Сочи, его личная секретарша — туда же в дом отдыха, секретарь ячейки — в горный санаторий. Из всего учреждения остались только уборщица Дуняша с малолетними детьми и управдел Петушкин, задержавшийся с отъездом из-за жены, которая некстати собралась рожать.

Сначала все шло отлично. Управдел отвечал на бумажки, Дуняша поила его чаем,

а дуняшины малолетки резвились в опустевшем кабинете председателя. Но вдруг нагрянула бригада рабочего контроля. Бригаду встретил один из дуняшинных отпрысков. Деловито гоняя перед собой обруч, он провел ее к Петушкину, изнемогавшему от телефонных разговоров с акушеркой и бесконечного чая. Бригада посмотрела, прощупала, продумала и решила, что если Москлей целый месяц мог обходиться со штатом в две единицы, то пусть такой штат у него остается и на будущее.

Из Сочи прилетел на аэроплане вызванный отчаянной телеграммой верного Петушкина пополневший за командировку на 3 кило председатель Москлея, но было уже поздно. Со штатом в две единицы Москлей проскрипел еще три недели и был ликвидирован за ненадобностью.

Вот какие опасные последствия влечет иногда за собой зеленая отпускная горячка. Имеющий уши — да слышит, как сказано в одном древнем альманахе 12 авторов.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ДЕЛОВОЙ МУЖЧИНА

Рис. и тема Я. Большого

— Читали сегодняшнюю газету?
— Я больше газет не читаю. Меня ж вычистили...

НЕ СТЕСНЯЮЩИЙСЯ В ВЫРАЖЕНИЯХ

Сокращение штатов „оформляется“ некоторыми весьма своеобразно. Так, Аулиэ-атинский райОМКО получил из Чимкента (Казакстан) от облОМКО следующее отношение: „Штат установлен для мальницы А 1—15 человек. С остальными как с НЕГОДНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ окончательно произвести расчет, об исполнении довести.“
Врид, директора облОМКО Прудус.

Интересно, попал ли в число негодных элементов в облОМКО и сам этот Прудус? И если нет, то почему?

„ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИЯ“

Из Узбекистана пишут: „Директор Балыкчинской МТО т. Загудулин вместо того, чтобы хорошенько подучить агрономов из нацмен, снял с должности агронома узбека, который уже 2 года работал участковым агрономом и назначил его... ЗАВЕДУЮЩИМ СТОЛОВОЙ.“

Кем следует назначить самого директора Загудулина, затрудняемся сказать. Скорее всего — подавальщиком в эту столовую.

ТОНКИЙ РАСЧЕТ

В ЗРК Метростроя номер 1 два приятеля — зав. бакалейным отделом Троедушин и его зам Анисимов объявили „соревнование“. Троедушин берет за соду 80 копеек вместо 20. Анисимов набавляет рубль 10 копеек на консервы. Троедушин торгует мармеладом вместо 5 руб.—6 р. 20 копеек. Анисимов переплывает приятеля, добавляя в творог воду.

Оба эти „героя“ полагают, что в шахтах Метростроя темно и жуликов рассмотреть не удастся. Надо срочно вытащить приятелей на солнышко.

ВЕСЬМА ПОНЯТНО

Работница Московской прядильной фабрики „Пролетарий“ Лобкова удивляется:

„Непонятно явление. Вот уже несколько месяцев, как я обиваю пороги фабкома и профкомета, чтобы прикрепить на детское платье мою дочь. Еще в мае я подала заявление Вартаковой и Сорочкиной в фабком, но до сих пор никакого ответа добиться не могу и получить карточки также.“

Что ж тут непонятного. „Крокодил“ прекрасно понимает в чем дело. Просто обе эти активные профработницы ждут пока дочь Лобковой подрастет и выйдет замуж. Тогда вопрос отпадет сам собой.

ЭНТУЗИАЗМ ПО ЗАКАЗУ

Этот приказ № 44 по уджарскому заводу „Лентехсырье“ (Азербайджан) так красочен, что просится на страницы „Крокодила“ во всей своей неприкосновенности:

„В виду того, что поступающий из Дагестана солодок содержит большой процент гнилого корня, стеблей и влажности, приказываю:

всем рабочим, теперсоналу и конторским работникам вперяного мне завода одушевлять ИНТУАЗИЗМОМ и ПАФОСОМ явится на работу со своими семьями и детьми, ОБЪЯВИВ УДАРНУЮ РАБОТУ сортировку прибывающего корня. Предупреждаю, что проживающие на территории завода и не явившиеся на указанную работу будут приняты к ним соответствующие меры ВПЛОТЬ ДО УВОЛЬНЕНИЯ С РАБОТЫ.“

Необходимы „соответствующие меры“ и к подписавшему этот приказ директору Сириваносу, который при внедрении социалистических форм труда проявляет чересчур много „интуазизма и пафоса“...

„ИСТОРИЯ

с

„ГЕОГРАФИЕЙ“

Однажды на экзамене ученика спросили: „Что вы знаете об Испании?“ Ученик откашлялся и бойко ответил: „Прежде чем говорить об Испании, скажем несколько слов о соседней с ней Португалии“...

— Ну, ладно, давайте о Португалии...

— Но прежде чем рассказать о Португалии, необходимо сказать о прилегающей к ней Испании...

Как ни бились экзаменаторы, любитель Пиренеев дальше бойкого предисловия не пошел.

„Отыскался след Тарасов!“ Теперь установлено, что анекдотический ученик благополучно подрос и ныне работает редактором в гостеприимных недрах **Союзкартотреста**. Конечно он постарел, облысел, получает спецставку, жалуется на печень, но в области географии он сохранил свою юную бойкость и оригинальность. Несомненно, это он редактировал карты для учебника географии (авторы — аспиранты ЛГУ, изд. 1931 года). Те самые карты, на которых Москва оказалась построенной на... реке Оке (?). На Оку переехала за компанию и пыльная Пенза. А вот Марининский канал с карты вообще исчез. Выдох, что ли, с испуга перед такой редактурой!..

Тот же старый знакомый „отличился“ при выпуске школьного глобуса (1932 г.). Испания, правда, на глобусе имеется. Но вот Вена бросила свою насиженную Австрию и переехала в... Германию. А Казани надоело стоять на Волге, и она перекочевала на мелководную Вятку. Но это, как говорится, победы. А вот целая беда произошла с Землей Франца-Иосифа, над которой реет советский флаг. Знайки из Геокартпрома зачислили ее... в норвежские или шведские „владения“.

Но с чем мы решительно не согласны, это с тем, что советская Туркмения является английской колонией. Этого не было и никогда не будет. Как бы в этом ни уверяли нас изделия Госкартгеодезии.

Перечислить все дикие открытия, сделанные „знаатоками“, редактирующими издания Картотреста и других издательств, довольно трудно.

„Прежде чем сказать об Испании...“—надо, конечно, выучить географию. Это—ясно. Но еще яснее, что:

Прежде чем выпускать пособия для советской школы, надо их как следует редактировать, а не поручать это дело огромной политической важности анекдотическим, случайным людям.

Эль—3С

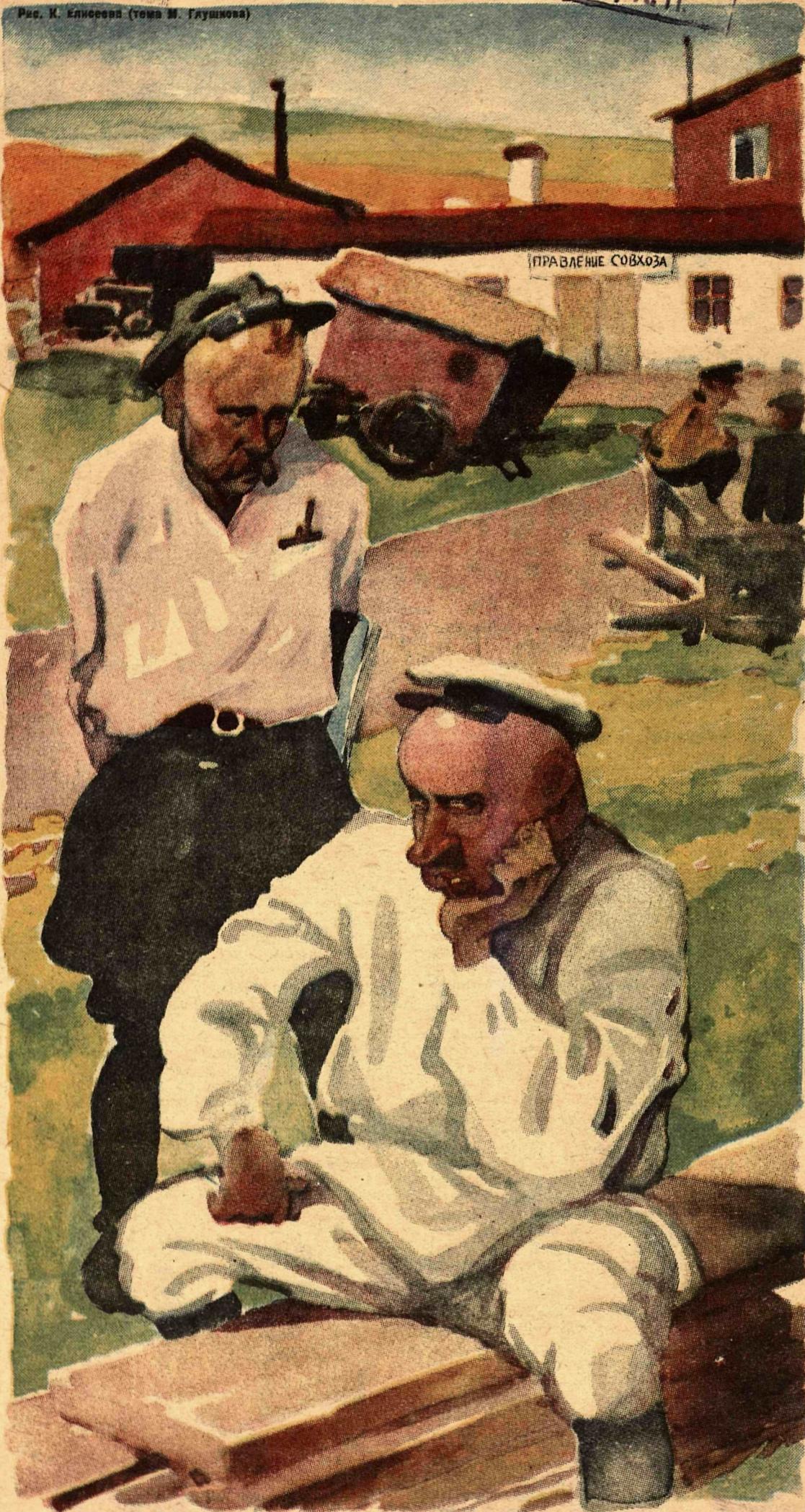
ДЕМАГОГИЯ

Гроза трубе, смиряя цитру,
Мазотро палочной махал.
И вдруг ударил по пюпитру.
Трубач швырнул ему:
„Нахал!“

Старорежимные замашки ваши жалки,
Я де комисси по чистне доведу,
Что на шестнадцатом республике году
Вы заставляете работать ИЗ-ПОД ПАЛКИ!

Я демагогией ничуть не одержим!
Я в сфере музыки—ЗА ПАЛОЧНЫЙ РЕЖИМ.
ЭМИЛЬ КРОТНИЙ.

Рис. К. Елисева (тома И. Глушкова)

— Ну и жизнь! При таком урожае даже маленького встречного выдвинуть нельзя.

Ответственный редактор М. МАНУЛЬСКИЙ

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-18. Прием ожеди. с 1 до 5 час.

Редколлегия: Я. БЕЛЬСКИЙ, М. МАНУЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ

Подписная цена на журн.—80 к. в м. Подписка принимается только почтой

Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ

Москва. Изд. № 764

Сдача текста и рисунков—29/VII.

Подпись к печати — 7/VIII.

Статформат А9—220×333. Печатных листов 2. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № В — 62290.

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Суздальский вад, 49.

Зак. № 1281. Тираж 210.000